

Рахманнинов

ПОВЕСТЬ О КОМПОЗИТОРЕ

А н а т о л и й К р ы м

Экспозиция

Анатолий Крым

**Рахманинов. Благословение.
Повесть о композиторе**

Издательство «Детская литература»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крым А. И.

Рахманинов. Благословение. Повесть о композиторе /
А. И. Крым — Издательство «Детская литература»,
2021 — (Экспозиция)

ISBN 978-5-08-006226-1

«Рахманинов. Благословение» Анатолия Крыма – это повесть об одном из величайших российских композиторов и пианистов с мировым именем Сергее Васильевиче Рахманинове. Находясь в эмиграции, в далекой Америке, Рахманинов не переставал думать о судьбе родины. Он давал свои знаменитые концерты в Карнеги-холле в пользу Красной армии и хотел сам вернуться домой в этот непростой для России период...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006226-1

© Крым А. И., 2021
© Издательство «Детская
литература», 2021

Анатолий Крым

Рахманинов. Благословение.

Повесть о композиторе

Художник Андрей Горнов

В оформлении переплета использована картина Чарльза Эдварда Чемберса «С. В. Рахманинов за роялем»

© Крым А.И., 2021

© Оформление, иллюстрации. АО «Издательство «Детская литература», 2021

* * *

Желтой песчаной аллеей быстро шла молодая стройная женщина. Окно на втором этаже уютного особняка было открыто, и из него в сад лились нежные звуки шопеновских ноктюрнов.

Ирина замедлила шаг, огорченно глянула на маленькие часики. Без двадцати десять. Опять опоздала. Теперь отец будет играть до полудня, и вход в кабинет закрыт даже для мамы. Женщина еще раз прислушалась к голосу рояля. Устоявшийся порядок никогда не нарушался, музыка звучала каждое утро, но почему он играет ноктюрны утром? Обычно в это время вот уже десятки лет его пальцы медленно отстукивали гаммы и скучные упражнения. Да и Шопен звучит сегодня светло, без печальной меланхолии, в которой пианист прятал свои мысли. Неужели?!.

Отец очень странный человек, он никогда не изменял своим привычкам даже накануне перемен. Но почему так радостно светел Шопен? Неужели разрешили?!

Она почувствовала, как подкосились ноги, дрогнуло сердце, а в память ворвались разговоры с отцом, сомнения пополам с надеждой, несбыточные планы.

Из глаз поползли слезы, и она, замешкавшись у крыльца, достала из сумочки носовой платочек, шмыгнула носом, как девчонка, и вдруг улыбнулась. Лучше не терзаться. В одиннадцать отцу подадут чай, она улучит минутку и обо всем расспросит...

Ирина осторожно отворила входную дверь дома и вошла в гостиную.

На столике лежала пачка газет. Ирина села в кресло, положила газеты на колени, стала листать их, прислушиваясь к приглушенному голосу рояля.

В семье Рахманиновых к газетным новостям относились недоверчиво, высмеивая авторов незадачливых салонных сплетен и сенсаций, и так повелось, что именно Ирине выпадало наспех просматривать газетный ворох, отыскивать очередной каламбур, чтобы затем прочесть отцу, заставить его хоть ненадолго отвлечься от тяжелых раздумий.

Вошла горничная. Тихо поставила на поднос чашку чая и тарелочку с печеньем.

– Вы к папе? – с надеждой спросила Ирина.

– Да, Сергей Васильевич сегодня просили к одиннадцати!

– Я сама отнесу!

Ирина взяла поднос и быстро поднялась по лестнице к отцовскому кабинету.

Как ни старалась она бесшумно открыть дверь, та все же скрипнула, и музыка тотчас же оборвалась. Сергей Васильевич резко повернулся на звук.

– Папа, извини! – огорченно произнесла дочь.

– Ах, это ты!.. – улыбка тронула его сжатые губы.

– Здравствуй! – Ирина, поставив поднос на журнальный столик, подошла к отцу и поцеловала его в щеку. – Кого-то ждешь?

– Нет. А почему ты спросила?

– Показалось.

Рахманинов испытывающее посмотрел на дочь и тихо спросил:

– Что тебе показалось?

– Когда я шла к дому, то слышала Шопена...

– Да, – перебил отец. – Сегодня я почему-то не могу заниматься упражнениями! Никакой силы воли! – усмехнулся Сергей Васильевич, потянувшись к чашке с чаем.

Ирина молчала, стараясь по выражению на его лице прочесть ответ на мучивший вопрос, но отец выглядел, как всегда, невозмутимым. Он всегда был «над миром», как шутила мама.

За окном раздался нетерпеливый гудок автомобиля, шорох шин и резкий визг тормозов. Хлопнула дверца, по ступенькам лестницы застучали каблучки, затем мужской голос спросил Сергея Васильевича. Горничная Оля, запинаясь, стала врать, что хозяина нет дома. Впрочем, врать она не умела, и гость это знал, как знал и о порядках в доме Рахманиновых.

Еще бы не знать, если дотошные репортеры выслеживали русского композитора с азартом охотников, выискивая по крупитцам малозначительные события его жизни, а большей частью домысливая их.

Не прошло и минуты, как после перепалки с горничной в дверной проем протиснулась голова посетителя.

– Мистер Рахманинов, меня опять не пускают!.. Отпустите же мой рукав!.. Не женщина, а цербер! – Мужчина, вырвавшись из цепких рук Оли, влетел в кабинет, едва не распластавшись на ковре.

Сергей Васильевич улыбнулся. Распорядитель крупнейшего концертного зала Соединенных Штатов Карнеги-холл мистер Эдвардс выглядел экстравагантно, модно и несколько вызывающе. Тонкая полоска усов на верхней губе вздрагивала, придавая лицу американца выражение вечно оскорбленного человека.

– Впустите его, Оля! Вы испортите мистеру Эдвардсу костюм, а он мне выставит счет! А он носит очень дорогие костюмы!

– Ваша прислуга не слишком вежлива! – проворчал Эдвардс, целуя руку Ирине.

– Для Оли главное – покой папы!

– Я понимаю, но без рук, пожалуйста! Что за манеры, хватать посетителей за рукава? Здравствуйте, мистер Рахманинов!

– Здравствуйте! Чем могу быть полезен, мистер Эдвардс? – спокойно спросил композитор.

Эдвардс опешил, затем громко рассмеялся:

– Никак не могу привыкнуть к вашей манере: брать быка за рога! Но мы тоже умеем ценить время! И свое и чужое. Я звонил вам?.. – Глаза гостя беспокойно бегали по лицам Ирины и ее отца.

– Да, конечно! Итак, о чем вы хотели переговорить? О концерте в вашем прекрасном зале?

– Не только! Как вы смотрите на тридцать концертов в Европе?

Эдвардс принял театральную позу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Не могу! – сухо ответил Рахманинов.

– Простите?.. – Антрепренер изумленно посмотрел почему-то на Ирину. – О гастролях в Европе вы сами просили. Если не ошибаюсь, наш разговор состоялся не далее, как в прошлом году. Конечно, события в Польше и Франции... Но мы можем начать с Лондона!

– Я помню, дорогой Эдвардс! – мягко прервал его композитор. – И прошу простить, что не смог вовремя предупредить вас. У меня изменились планы. Я уезжаю.

– Вот как! – Американец обидчиво поджал губу. – Мистер Рахманинов нашел другого импресарио?..

– Нет, Эдвардс! Вы лучший импресарио, с которым я имел дело. Я уезжаю из Америки. – И, помедлив, добавил: – Навсегда!

– Простите?..

– Возвращаюсь, дорогой Эдвардс, возвращаюсь! – Голос Рахманинова задрожал.

– Куда? – не понял американец, наморщив лоб, хотя английский Сергея Васильевича был почти безупречен.

– Домой, мой дорогой, домой!..

Гость хотел то ли поздравить, то ли вернуться к разговору о гастролях на следующий сезон, но опять замешкался, а затем, суетливо бормоча извинения, откланялся.

Рахманинов сидел, глядя прямо в окно. Молчание отца было слишком тягостным, и Ирина не выдержала:

– Папа... Это правда?!

– Я ничего не знаю... Ничегошеньки еще не знаю! – Сергей Васильевич нарочито нахмурился и стал разминать свои длинные пальцы.

Ирина ошеломленно смотрела на отца. Обычно суровый, замкнутый, он выглядел добродушным стариком, которого распирает тайна настолько прекрасная, что скрывать ее уже нет сил.

Однако он умел усмирять свои эмоции и как ни в чем не бывало кивнул на газету, которую держала в руках Ирина.

– Какие новости, сударыня? Чем живет наш удивительный мир?

Ирина развернула газету.

– Пишут, что ты Чехов в музыке. Вот!.. «Когда мы произносим имя Рахманинова, память вызывает к жизни облик печального рыцаря рояля с болезненным самоуглублением в музыку...»

– Скажите на милость, у американцев появился Третьяковский!.. – усмехнулся Сергей Васильевич. – А что там за фото вверху?

– Твои руки.

– Мои руки? – Рахманинов потянулся к газете. – Ну-ка?..

– Для Америки ты излишне скромн. Хотел закрыться от фотоаппарата и вот!

– «Руки, которые стоят миллион»! Хм! – Сергей Васильевич повертел растопыренными пальцами и простодушно признался: – Вот уж не знал! Послушай, Ириша, если руки стоят такую кучу денег, во что они оценят голову?

– Репортеры ловкачи! Даже подсчитали, что в сутки человек потребляет кислорода на два доллара сорок два цента!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.